

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Триумфальный въезд графских лошадей в мое село

«Лишь только графская повозка очутилась на дворе, ее моментально окружила толпа народа, во главе которой находились все мои родственники и в полном составе сельский причт с включением церковного сторожа и хромой просвирни. Всех изумило не столько мое прибытие во время весенней распутицы, сколько телега, запряженная красивыми графскими лошадьми...»

**Николай Васильевич
Успенский
Триумфальный въезд
графских лошадей в мое
село**

Лишь только графская повозка очутилась на дворе, ее моментально окружила толпа народа, во главе которой находились все мои родственники и в полном составе сельский причт с включением церковного сторожа и хромой просвирни. Всех изумило не столько мое прибытие во время весенней распутицы, сколько телега, запряженная красивыми графскими лошадьми.

– Вот так кони! – удивлялся пономарь. – Вы заметьте, отец дьякон, какие лады!..

– Что говорить, породистые лошадки...

– Сиречь кровные... заводские, надо прямо говорить...

– Ну да! Не нашим одрам чета... Одер навсегда одром останется, – хоть ты корми его, хоть нет...

– А телега-то... Извольте посмотреть... Что – шины, что – спицы, что – ободи...

– Да все, на что ни посмотри, глаза разбегаются...

– Вот горе, – пожаловался я, – лошади-то у меня засеклись...

– Это ничего не значит, Николай Васильевич, – подхватил пономарь, – сейчас взять

ЖЖЕННЫХ КВАСЦОВ...

– Нет, березовка будет пользительнее, – возразил седой, как лунь, дьячок...

– Ничего вы не понимаете! – решил отец дьякон. – От засечек первое средство медный купорос... он сейчас разъест рану-то... она и того...

– Нет, уж лучше глины с солью ничего не может быть, – заметил в свою очередь церковный сторож, победоносно оглядывая толпу, которая вдруг в испуге попятилась назад, увидав вытащенный из телеги фотографический аппарат Льва Николаевича.

– Это что ж за штука такая, Николай Васильевич? – спрашивали меня изумленные зрители.

– Машина для снимания портретов.

– Ай, ай, ай! Вот оказия-то... И что же, например, эта самая проскомидия может со всякого снять портрет?

– С кого угодно... хоть с лошади или собаки...

– А не опасно к ней близко подходить?

– Нисколько...

– Мы к тому спрашиваем, что у этой маши-

ны медная труба, словно бы похожа на пушку... как бы, мол, греха какого не было...

– А я слышала, – заметила сутулая дьяконница, – от добрых людей: кто ежели снимет с себя патрет, тот уж не жилец на этом свете...

– Городи больше! – возразил отец дьякон. – Ведь с нас с тобой, когда мы были молодыми, тоже художник списал портреты.

– То дело другое, потому там были нарисованы какие-то чучела гороховые... оттого мы с тобой живы и остались...

– Однако пойдете чай пить, – известил мой отец, и я, окруженный родными и знакомыми, вступил в горницу, где уже на столе кипел самовар и красовался объемистый графин с водкой.

– Ах, мой милый! – слезливо говорила мне мать. – Как тебя Господь донес в такую непогодь?..

– У меня Николай не трус, – подхватил отец, – ему, как говорится, самое море – по колено... За одно не хвалю его: от тургеневской земли отказался...

– Да иначе поступить было невозможно, – возразил я, наливая рюмку водки, – я жил в

поле один, как кулик... меня просто-напросто волки съели бы.

– Ну, вздор какой! Завел бы ружье, а главное, помнил бы слова Спасителя: «Без воли Моей и влас с главы вашей не погибнет». А то там какие-то волки... Его святая воля! Получал бы себе доходец с именица да папироски покуривал...

– Но вы забываете, папаша, что надо было обзавестись полным хозяйством: нанять работников, закупить лошадей, разных сох, борон, телег... На все это нужны были деньги, а их у меня не было...

– Ну, да уж что толковать... не умел пользоваться случаем, теперь и сиди на бобах... А ведь случай-то какой был! Что для Тургенева значили тридцать десятин? Тьфу! А ты бы на них жил барином... Женился бы там на какой-нибудь барышне, за ней бы прихватил малую толику... Эх, брат Николай, огорчил ты меня своим необдуманном поступком!

– Я же вам говорю: до смерти волков боялся... их такая пропасть в чаплыгинском лесу Ивана Сергеевича... а к самому этому лесу подпирала моя земля...

– Наладил одно: волки да волки...

– Ну что же мне было делать, когда они однажды ночью окружили мою избу и хором выли до самого утра... Если бы вы были на моем месте, что бы вы сказали?

– Ведь с тобой был караульный.

– Нет, он в эту «варфоломеевскую» ночь шлялся по деревне и пьянствовал.

– Вишь, – заметила дьяконица моей матери, держа в одной руке блюдечко с чаем, а в другой ложечку с вареньем, – волки-то словно знали, что Николай Васильевич сидит в избе один, и окружили его, сердечного...

– Ну, говорю, ружье купил-бы наконец!.. – вспылил отец, наливая водки. – Трахнул бы хорошенько... чтоб не забывались...

– Именно, – подхватил пономарь, – всыпал бы им горячего на память, чтоб знали, кто сидит в избе...

– Нет, Назар Иваныч, – возразила дьяконица, – ружьем хуже их остервенишь... одного убьешь, а все остальные бросятся...

– Куда ж они бросятся? На избу, что ли? Ведь Николай Васильевич из избы стреляли бы...

– Что ж? И избе могли бы сделать какое-либо повреждение... плетень, например, лапами оторвать, стекла разбить...

– Нет, Анна Ивановна, – отстаивал пономарь, – надежнее всякого ружья – молитва... недаром сказано: «На аспида и василиска наступиши, на льва и змия, и попереси я».

– По моему мнению, – заметил отец дьякон, прожевывая закуску, – следовало завести хорошую дубину или вообще орясину длиною в оглоблю и сидеть в плетневых сенцах, где надо прокопать несколько отверстий... как только волки набросятся на плетень, так сейчас по зубам то того, то другого...

– Будет ерунду-то размазывать, – прервал отец. – Скажи-ко мне, Николай, лучше вот что: давно был в Туле?

– Недавно... сбрую и дугу покупал...

– Виделся с дядей, Иваном Яковлевичем?

– Да! Он вам кланяется...

– Ну, что мой милый племянничек, Глебушка, как поживает? Уж и разутешный же мальчик, – сообщил отец дьякону, наливая себе и ему водки, – вот какой диковинный мальчик: ни в сказке сказать, ни пером напи-

сать... красавец неописанный, а уж умница-то, умница-то какой!.. (речь шла о современном писателе, который в описываемое время оканчивал курс гимназии). Он вдруг примется поднимать тебя насмех, а ты вместо того, чтобы обижаться, будешь сам умирать со смеху... Я тебе что, дьякон, скажу. Он на своем дяде (дурак у меня есть другой брат, по имени Семен) верхом ездил! Перед Богом не лгу...

– Ну, это как хотите, отец Василий, по моему разумению, грешно на родном дяде ездить верхом...

– Там толкуй, как знаешь!., а вот какие чудеса творил мой милый Глебушка... Да ведь ты сам посуди: что же иначе со скотами прикажешь делать? С этими олухами Царя небесного... Жаль одно, что Николай сбивает Глебушку с пути истинного. Помилуй! Брат Иван приготовил заранее своему сыну, то есть Глебушке, место секретаря в палате (место самое доходное) с отличным жалованьем, так нет! Надо молодого человека сбивать с толку, поджигать в какой-то университет... Да на что он нужен, этот университет, скажи ради Бога?

Сыт себе – и слава Богу! Николай, как сам бездомник, сбил с панталыку одну барышню в нашем приходе... Ты знаешь Завадовскую? Ведь она по милости Николая бросила свое родовое имение и уехала в Питер на какие-то курсы! А то ли дело? Жила бы себе барышня в своем имении и не знала бы «ни печали, ни вздыхания»...

– И волков бы слушала, – заметил я.

– У тебя, брат, все волки на уме... Эх, Николай, доселе еще ветер у тебя в голове!.. Ну, вот теперь будем говорить хоть бы про графа Толстого... Отчего бы каким ни на есть манером не подделаться к нему и не отхватить у него этак десятин хоть двадцать земли, как у Тургенева...

– Но зато, – вставил отец дьякон, – Николай Васильевич приобрел себе от графа лошадку...

– Экой ты чудак! Во-первых, он заработал ее пером; во-вторых, лошадь какая-то, действительно, сумасшедшая... Николай мне писал про нее (хоть он и забыл, должно быть, про это): сел на нее верхом, она сейчас на дыбы... Запряг в повозку, как полоумная, несет-

ся, не останавливаясь, от станции до станции... Ежели ты, например, потерял шляпу или как-нибудь вывалился из телеги, чего избави Бог, ребенок, она ни за что не даст тебе поднять их... Ежели теперь встретишься с родным или знакомым, хотя бы с самим отцом благочинным, – также история!.. Только и даст проговорить «здравствуйте» да «прощайте»!.. Вот к кабаку еще можно ее направить, потому она считает его за постоянный двор... да и то больше шкалика не даст выпить, анафема... в противном случае сейчас на дыбы, брыкаться и ломать оглобли...

– Она, должно полагать, – пояснил мой брат, – принадлежит к Обществу трезвости...

– Ну, да! – подхватил мой отец. – Ты, Ванюшка, знаешь изречение Гоголя: «Хотя Александр Македонский был и великий человек, но зачем же стулья-то ломать?»...

Веселый смех завершил нашу родственную беседу.